

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ

ГЛАВА XIV

ИМЕННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Со времени появления широко известной статьи А. Мейе, в которой было определено место именного предложения в системах индоевропейских языков и тем самым ему был впервые придан лингвистический статус, несколько исследователей, занимавшихся главным образом древними индоевропейскими языками, внесли свой вклад в историческое описание этого типа высказывания. Именное предложение, если его охарактеризовать кратко, включает именную предикат, при отсутствии глагола или связки, и рассматривается в индоевропейских языках как нормальное выражение для тех случаев, где возможной глагольной формой было бы 3-е лицо наст. времени изъявительного наклонения глагола «быть». Это определение получило широкое распространение даже за пределами индоевропеистики, но оно не сопровождалось изучением условий, сделавших возможной такую языковую ситуацию. Более того, теория этого в высшей степени своеобразного синтаксического явления значительно отставала от открытия все новых его проявлений в разных языках.

Этот тип предложения не ограничен какой-либо одной семьей или какими-либо определенными семьями языков. Языки, в которых он был засвидетельствован, лишь первые из списка, который сейчас можно было бы значительно удлинить. Именное предложение встречается не только в таких языках, как индоевропейские, семитские, финно-угорские, банту, но и во многих других, самых различных языках, например в шумерском, египетском, кавказских, алтайских, дравидских, индонезийском, в языках Сибири, американоиндейских и т. д. Оно настолько всеобщее, что, если бы мы хотели определить статистически или географически границы его распространения, нам гораздо легче было бы перечислить флективные языки, в которых оно отсутствует (таковы современные

западноевропейские языки), чем те, в которых оно встречается. Именное предложение трудно было бы описать во всех языках идентично. Оно включает разновидности, которые необходимо различать. Но общим является то, что самые разнообразные языковые структуры допускают или требуют, чтобы при определенных условиях глагольный предикат не был выражен или чтобы достаточно было именного предиката. Какой же необходимостью вызван к жизни этот тип предложения, если он встречается в стольких различных языках, и как получилось — вопрос покажется странным, но странность заключена в самих фактах, — что из всех глаголов именно глагол бытия имеет исключительное право присутствовать в высказывании, где он формально не фигурирует? Стоит только немного углубиться в эту проблему, как возникает необходимость рассмотреть во всей совокупности отношения глагола и имени, а также своеобразную природу глагола «быть».

Что касается различия между глаголом и именем, часто подвергаемого сомнению¹, то предлагаемые формулировки сводятся обычно к одной из следующих двух: глагол указывает процесс, имя — объект; или же: глагол связан с временем, имя — времени не подразумевает. Мы не первые утверждаем, что оба эти определения неприемлемы для лингвиста. Необходимо кратко показать почему.

Противопоставление «процесса» и «объекта» не может иметь в лингвистике ни универсальной силы, ни единого критерия, ни даже ясного смысла. Дело в том, что такие понятия, как процесс или объект, не воспроизводят объективных свойств действительности, но уже являются результатом языкового выражения действительности, а это выражение не может не быть своеобразным в каждом языке. Это не свойства, внутренне присущие природе, которые языку остается лишь регистрировать, это категории, возникшие в некоторых языках и спроецированные на природу. Различие между процессом и объектом обязательно только для того, кто рассуждает исходя из классификаций своего родного языка, которые он превращает в универсальные явления; но даже такой человек, если его спросить, на чем основано это различие, вынужден будет скоро признать, что если «лошадь» — объект, а «бежать» — процесс, то это потому, что первое — имя, а второе — глагол. Определение, которое стремится к «естественному» обоснованию того способа, при помощи которого тот или иной конкретный язык организует свои понятия, обречено вращаться в порочном кругу. Впрочем, достаточно приложить такое определение к языкам другого типа, чтобы увидеть, что отношение между объектом и процессом может оказаться обратным или даже вообще исчезнуть, а грамматические отношения останутся теми же. Так, в языке

¹ Из последних работ см. некоторые статьи в «Journal de psychologie», 1950 (выпуск, озаглавленный «Грамматика и психология» — «Grammaire et psychologie»).

хупа (Орегон) активные или пассивные глагольные формы 3-го лица употребляются как имена: па́йуа «он спускается» — название «дождя»; niłliḥ «он течет» — означает «ручеек»; paḥōwilloi* «прикреплено вокруг него» — значит «пояс» и т. п.² В языке зуни имя у́әtokä «солнце» представляет собой глагольную форму от уәto- «проходить, пересекать»³. И обратно, глагольные формы могут закрепляться за понятиями, которые не соответствуют тому, что мы назвали бы процессом. В языке сиуслав (Орегон) частицы типа waḥá «снова», уā́ха «много» спрягаются как глаголы⁴. Во многих американоиндейских языках спрягаются прилагательные, вопросительные местоимения и особенно числительные. Как же тогда лингвистически определить объекты и процессы?

Эти замечания пришлось бы повторить и по поводу второго определения, в котором отличительной чертой глагола признается выражение времени. Никто не будет отрицать, что в ряде языковых семей глагольная форма обозначает, в числе прочих категорий, и категорию времени. Из этого, однако, не следует, что время должно выражаться глаголом обязательно. Известны языки, как, например, хо́пи, где глагол не подразумевает абсолютно никакой временной отнесенности, имея только видовые различия⁵; в других языках, например в языке тубатула́л (той же уто-ацтекской группы, что и хо́пи), наиболее отчетливо прошедшее время выражается не в глаголе, а в имени: haḥi'ł «дом», haḥi'p'i'ł «дом в прошлом» (=то, что было домом и больше им не является)⁶. Нефлективные языки отнюдь не единственные, в которых время выражается не глаголом. Даже там, где глагол существует, он может не иметь временной функции и время может выражаться иначе, не при помощи глагола.

Из этого следует также, что различие имени и глагола нельзя основывать на эмпирическом анализе фактов морфологии. То, как имя и глагол различаются в том или ином языке (специальными морфемами или сочетаемостью и т. д.), или тот факт, что в каком-то третьем языке имя и глагол формально не различаются, — все это не дает никакого критерия для определения их различия и не позволяет даже сказать, действительно ли такое различие необходимо существует. Если бы удалось описать одну за другой все морфологические системы, то пришлось бы констатировать только, что в одних языках глагол и имя различаются, а в других — нет и что существует некоторое количество промежуточных случаев. Факты не раскрыли бы нам ни основания для такого различия там, где оно имеется, ни его сущности.

² Cp. Goddard, Handbook of the American Indian Languages [далее *HAIL*], I, стр. 109, § 23.

³ Bunzel, *HAIL*, III, стр. 496.

⁴ Frachtenberg, *HAIL*, II, стр. 604.

⁵ Cp. Whorf, Linguistic Structures of Native Americans, стр. 165.

⁶ Voegelin, Tübatulabal Grammar, стр. 164.

Поэтому для характеристики противопоставления глагола и имени как таковых, независимо от типа языка, мы не вправе использовать ни такие понятия, как объект и процесс, ни такие категории, как время, ни морфологические различия. Тем не менее искомым критерий существует, и он носит синтаксический характер. Он связан с функцией глагола в высказывании.

Мы определим глагол как необходимый элемент построения законченного утвердительного высказывания. «Чтобы избежать опасности порочного круга в определении, укажем сразу же, что законченное утвердительное высказывание обладает по крайней мере двумя независимыми формальными характеристиками: 1) оно произносится между двумя паузами; 2) оно имеет типовую интонацию «законченности», которая в каждом языке противопоставляется другим интонациям, в равной степени типовым (незаконченности, вопроса, восклицания и т. п.).

Глагольная функция (в том виде, как мы ее определили) оказывается в известной степени независимой от глагольной формы, хотя часто они совпадают. Задача как раз и состоит в том, чтобы установить точное соотношение между этой функцией и этой формой. Внутри утвердительного высказывания глагол выполняет двоякую функцию: функцию связи (*fonction cohésive*), которая заключается в организации элементов высказывания в единую законченную структуру; и функцию утверждения существования (*fonction assertive*), придающую высказыванию предикат реальности. Первая функция не нуждается в других определениях. Не менее важна, хотя и в другом плане, функция утверждения. Законченное утверждение в силу того только факта, что это утверждение, подразумевает отношение высказывания к другому ряду явлений — к действительности. К грамматической связи, объединяющей члены высказывания, имплицитно добавляется «это *есть!*», которое устанавливает связь между языковым рядом и системой действительности. Содержание высказывания дается как соответствующее порядку вещей. Таким образом, синтаксическая структура законченного утвердительного предложения позволяет различить два плана: план грамматической связанности, где глагол выполняет функцию связующего элемента, и план утверждения реальности, откуда глагол получает свою функцию утверждающего элемента. В законченном утвердительном высказывании глагол обладает этими двумя качествами.

Следует подчеркнуть, что данное определение исходит из существенной синтаксической функции глагола, а не из его материальной формы. Функция глагола всегда налицо, какими бы ни были морфологические особенности глагольной формы. Если, например, в венгерском языке форма объектного спряжения *vaго-m* «я его жду» параллельна именной possessивной форме *kaго-m* «моя рука», а *keге-d* «ты его просишь» форме *veге-d* «твоя кровь», то эта особенность примечательна сама по себе; но сходство объектной

глагольной формы и посессивной именной формы не должно затенять того факта, что только формы *vaḡom* и *keged* могут образовать законченные утвердительные предложения, а ни *kaḡom*, ни *veged* не могут, и этого достаточно, чтобы отличить глагольные формы от тех, которые таковыми не являются. Более того, для осуществления глагольной функции вовсе не обязательно, чтобы в языке глагол выделялся морфологически, потому что любой язык, какова бы ни была его структура, способен производить законченные утвердительные предложения. Из этого следует, что морфологическое различие между глаголом и именем является вторичным по отношению к различию синтаксическому. В иерархии функций важно прежде всего то, что только некоторые формы способны создавать законченные утвердительные предложения. Может случиться и действительно часто случается, что подобные формы характеризуются *сверх того* еще и морфологическими показателями. Тогда различие глагола и имени переходит и в формальный план и появляется возможность определить глагольную форму строго морфологически. Такова ситуация в языках, где глагол и имя имеют разные структуры и где глагольная функция, как мы ее понимаем, находит поддержку в форме глагола. Но для своей реализации в высказывании эта функция не нуждается в специфически глагольной форме.

Теперь можно более точно описать функциональную структуру глагольной формы в утвердительном высказывании. Она включает два элемента — один материально выраженный и переменный, другой — имплицитный и постоянный. Переменной величиной является глагольная форма как материальный факт: переменной в отношении семантического выражения, переменной в отношении количества и природы выражаемых ею категорий — времени, лица, вида и т. п. В этой переменной величине заключен инвариант, неотъемлемая принадлежность утвердительного высказывания: утверждение соответствия между данным грамматическим целым и утверждаемым фактом. Именно это соединение переменного (варианта) и постоянного (инварианта) позволяет глагольной форме иметь функцию формы, утверждающей существование, в законченном высказывании.

Каково же соотношение между этим синтаксическим свойством и морфологически охарактеризованной глагольной формой? Здесь нужно различать величину (протяженность) форм и их природу. Минимальное утвердительное высказывание может совпадать по величине с минимальным синтаксическим элементом, но сущность этого минимального синтаксического элемента заранее не определена. В латинском языке утвердительное высказывание *dixi* «я сказал» можно рассматривать как минимальное. С другой стороны, *dixi* — это минимальный синтаксический элемент, в том смысле, что в синтагме, куда входит *dixi*, мы не можем установить синтаксическую единицу более низкого ранга. Из этого следует, что

минимальное высказывание *dixi* совпадает с минимальным синтаксическим элементом *dixi*. При этом в латинском языке утвердительное предложение *dixi*, равное по величине синтаксической единице *dixi*, оказывается совпадающим в то же время с глагольной формой *dixi*. Но для образования одночленного утвердительного высказывания вовсе не обязательно, чтобы этот член совпадал, как в приведенном примере, с формой, имеющей глагольный характер. В других языках он может совпасть с формой именной.

Уточним сначала это обстоятельство. В языке илокано (Филиппины)⁷ существует прилагательное *mabisin* «голодный». Для двух первых лиц утвердительное высказывание может содержать именную форму с местоименным аффиксом: *agi'-ak* «король-я» (= я король); *mabisin-ak* «голодный-я» (= я голоден). Но в 3-м лице, которое имеет нулевой местоименный показатель, то же высказывание оформляется как *mabisin* «он голоден». Перед нами, таким образом, минимальное утвердительное предложение *mabisin* «он голоден», совпадающее не с глагольной формой, но с формой именной — прилагательным *mabisin* «голодный». Точно так же в языке тубатулалбала именная форма *tá·twál* «человек» может функционировать как утвердительное высказывание в оппозиции, где меняется только показатель лица: *tá·twál-gi* «человек-я» (= я человек), *tá·twál* «человек [-он]» (= он человек). Или с формой именной, которая снабжена суффиксом прошедшего времени: *tíkariganán-gi* «едок прошедшее время-я» (= я тот, кто ел); *tíkariganán* «едок прошедшее время [-он]» (= он тот, кто ел)⁸. Здесь также минимальное утвердительное высказывание совпадает с таким синтаксическим элементом, который с морфологической точки зрения принадлежит к классу имен. Форма, имеющая морфологические характеристики имени, с точки зрения синтаксиса выполняет функцию глагола.

Таким образом, мы подошли собственно к проблеме именного предложения.

До сих пор, рассматривая глагол, его природу и его функции, мы намеренно оставляли в стороне вопрос о глаголе «быть». Приступая теперь к анализу именного предложения, мы также не будем его затрагивать. Если мы хотим рассеять туман, окутавший эту проблему, мы должны полностью отделить изучение именного предложения от изучения предложения с глаголом «быть». Это два разных типа, которые в некоторых языках сближаются, но отнюдь не везде и не обязательно. Предложение с глаголом «быть» — это глагольное предложение, подобное всем другим глагольным пред-

⁷ Ср. L. Bloomfield, «Language», XVIII, 1942, стр. 196.

⁸ Ср. Voegelin, цит. соч., стр. 149, 162.

ложениям. Его нельзя без опасности впасть в противоречие рассматривать как разновидность предложения именного. Высказывание может быть либо именным, либо глагольным. Мы отказываемся поэтому от выражений «чисто именное предложение» или «именное предложение с глаголом «быть», как приводящих к путанице.

Именное предложение имеет разновидности, которые при исчерпывающем описании следует строго различать. Место именного предложения в системе будет различным в зависимости от того, существует ли в данном языке глагол «быть» или нет и, следовательно, является ли именное предложение выражением возможным или выражением необходимым. Необходимо также всегда определять, какова сфера распространения именного предложения в языках — ограничено ли оно 3-м лицом или допустимо во всех лицах. Еще одна важная черта: образуется ли именное предложение свободно или же зависит от фиксированного порядка слов в высказывании. Последний случай представлен в языках, где синтагма из двух элементов выступает как предикативная или атрибутивная в зависимости от порядка следования элементов. Законченное утвердительное предложение здесь всегда является результатом расчленения между субъектом и предикатом, сигнализируемого паузой, а также порядком следования элементов, обратным тому, которого требует атрибутивная связь: др.-ирл. *infer maith* «хороший человек», но *maith infer* «этот человек хорош»; турецк. *qirmizi ev* «красный дом», но *ev qirmizi* «дом красный»; венг. *a meleg viz* «горячая вода», но *a viz meleg* «вода горячая»⁹; в языке кус (coos, Орегон) *tsáuyux^u tãnik* (прил. + суц.) «маленькая река», но *tãnik tsáuyux^u* «река маленькая»¹⁰ и т. п. Бывает, кроме того, что само именное предложение допускает два варианта, различающихся не смыслом, но только формой — порядком следования элементов. Так, по-древнегречески можно было сказать *ἄριστον μὲν ὕδωρ* «самое лучшее — вода» (что засвидетельствовано) или *ὑδωρ μὲν ἄριστον*, не меняя при этом ни смысла, ни сущности высказывания, ни формы элементов. В венгерском языке *a haz nagy* «дом большой» может быть выражено также и как *nagy a haz* «большой (есть) дом». Но в тагальском языке (Филиппины)¹¹, хотя там и допустимы оба порядка, они различаются отсутствием или наличием частицы. Можно сказать *sumúsulat aḡ báta'* «пишущий (есть) ребенок, ребенок пишет», *tabaít aḡ báta'* «хороший (есть) ребенок, ребенок хорош», так же как и *aḡ báta' ay sumúsulat* (произносится: *aḡ báta y sumúsulat*), *aḡ báta' ay tabaít*

⁹ Об именном предложении в финно-угорских языках, кроме статьи R. Gauchthiot, *MSL*, XV, стр. 201—236, см. статью Т. А. Sebeok, «Language», XIX, 1943, стр. 320—327. Ср. также: A. Sauvageot, «Lingua», I, 1948, стр. 225 и сл.

¹⁰ Ср. Frachtenberg, *HAIL*, II, стр. 414.

¹¹ Bloomfield, *Tagalog Texts*, II, стр. 153, § 89.

(произносится: aŋ bāta y tabaif), без какого-либо различия в значении. Но два последних предложения содержат безударную частицу au, которая характерна для утвердительного высказывания, в то время как частица aŋ (по существу, идентичная артиклю) превращает ту же самую последовательность в атрибутивную синтагму; этим aŋ bāta y tabaif «ребенок хорош» отличается от aŋ bāta ŋ tabaif «ребенок, который хорош, хороший ребенок». Можно было бы отметить и другие различия.

С учетом указанных особенностей проблемы именного предложения можно сформулировать лингвистически, опираясь на определение глагола, которое было дано выше. Следует только в целях последовательности описания ограничиться каким-либо одним типом языков. Мы выберем здесь тип древних индоевропейских языков, который, впрочем, не отличается уж очень значительно от некоторых других, в частности финно-угорских языков.

Именное предложение в индоевропейских языках представляет собой законченное утвердительное высказывание, сходное по своей структуре с любым другим высказыванием, имеющим те же синтаксические характеристики. Член, выполняющий глагольную функцию, включает также два элемента: один постоянный, имплицитный (инвариант), который сообщает высказыванию характер утверждения; другой — переменный и эксплицитный — на этот раз является формой, принадлежащей к морфологическому классу имен. В этом единственное отличие именного предложения от такого предложения, в котором глагольную функцию несет форма, принадлежащая к классу глаголов. Это различие касается морфологии, но не функции. С точки зрения функциональной оба типа эквивалентны. Можно поставить знак равенства между omnia praeclara — gaга «все прекрасное редко» (или omnia praeclara — quattuor «все прекрасное — четыре», или omnia praeclara — eadem «все прекрасное — одно и то же»), с одной стороны, и omnia praeclara — pereunt «все прекрасное погибает» — с другой, и это не выявит различий ни в структуре высказывания, ни в его утвердительном характере. Мы не видим ничего — кроме силы привычки, — что заставляло бы нас рассматривать omnia praeclara — gaга как нечто иное или как нечто менее «регулярное», чем omnia praeclara — pereunt. Как только мы принимаем решение считать их относящимися к одному и тому же типу и тем самым в равной степени правомерными, мы яснее видим, чем они различаются в зависимости от того, выполняет ли глагольную функцию форма из класса глаголов или форма из класса имен.

Различие является следствием тех свойств, которые присущи каждому из указанных классов. В именном предложении элемент, выполняющий функцию утверждения, будучи именем, не способен принимать характеристики, которые несет глагольная форма: временные, личные и др. признаки. Утверждение приобретает свой особый характер именно в силу отсутствия связи с временем, лицом,

наклонением, короче говоря, в силу того, что оно сосредоточено на одном члене, сведенном исключительно к своему семантическому содержанию. Второе следствие состоит в том, что именное утвердительное предложение не может иметь и другого важного свойства глагольного утвердительного предложения, а именно способности устанавливать связь между временем события и временем речи об этом событии. Именное предложение в индоевропейских языках утверждает некоторое «качество» (в самом широком смысле этого слова) как присущее подлежащему высказывания, но вне всякой временной или другой соотнесенности и вне всякой связи с говорящим.

Строя определение на таких основах, мы тем самым отвергаем и некоторые ходячие взгляды на данный тип высказывания. Сразу делается очевидным, что именное предложение нельзя считать предложением с отсутствующим глаголом. Оно столь же закончено, как и любое глагольное высказывание. Нельзя его считать и предложением с нулевой связкой, потому что нет никаких оснований в индоевропейских языках рассматривать отношение между именным предложением и предложением глагольным с глаголом «быть» как отношение нулевой формы и формы полной. При нашем истолковании *omnis homo — mortalis* «каждый человек смертен» параллельно к *omnis homo — moritur* «всякий человек умирает», а отнюдь не является «формой с нулевой связкой» от *omnis homo mortalis est* «всякий человек смертен есть». Между *omnis homo — mortalis* и *omnis homo mortalis est* действительно есть противопоставление, но это противопоставление касается сущности, а не степени. С точки зрения индоевропейских языков, как мы постараемся показать ниже, это два высказывания, различных по типу. Мы не будем также использовать и термин «предложение тождества» («*proposition équationnelle*») для всех разновидностей именного предложения. Целесообразнее было бы ограничить его применение теми случаями, когда два члена одного и того же класса образуют равенство, что в индоевропейских языках наблюдается почти исключительно в традиционных устойчивых выражениях (англ. *the sooner the better* «чем скорей, тем лучше»; нем. *Ehestand, Wehestand* «брак — ярмо» и т. п.). Иными словами, между субъектом и именным членом, выполняющим глагольную функцию, нет в действительности равенства.

Чтобы завершить наши рассуждения, остается рассмотреть в связи с именным предложением место глагола «быть». Следует самым настоятельным образом подчеркнуть, что при анализе именного предложения необходимо отказаться от какого бы то ни было подразумевания лексического «быть» и пересмотреть привычные способы перевода, навязанные иной структурой современных западноевропейских языков. Научное изучение именного предложения начнется только тогда, когда наступит освобождение от этой зависимости и когда глагол *est* в индоевропейских языках

будет признан таким же глаголом, как и все другие. Он и является таковым, и не только в том, что несет все морфологические признаки своего класса и выполняет ту же синтаксическую функцию, но также и в том, что до того, как он в результате длительного исторического развития пал до положения «связки», он имел определенное лексическое значение. Теперь уже невозможно точно восстановить это значение, но тот факт, что часть форм *es- восходит к *bhū- «расти, увеличиваться», позволяет составить о нем представление. Во всяком случае, даже интерпретируя его как «существовать, иметь реальность» (ср. значение «истинности», связанное с прилагательными др.-исл. sannr, лат. sops, санскр. satya-), мы определяем его вполне достаточно как непереходный, способный к абсолютному употреблению и употреблению в сочетании с прилагательным в приложении. Таким образом, estī в абсолютном употреблении или estī + прилагательное функционирует как многие непереходные глаголы в этой двойной позиции (как, например, *казаться, расти, оставаться, пребывать, выступать* и т. п.). В латинском языке est mundus «мир существует» образует ряд со stat mundus «мир стоит», fit mundus «мир становится». И в mundus immensus est «мир огромен» («мир огромный есть») форма est может быть заменена формами videtur «кажется», dicitur «считается», apparet «представляется» и т. д. В синтаксическом отношении puer studiosus est «мальчик старателен» и puer graecus cadit «мальчик стремглав падает» эквивалентны. Чтобы измерить расстояние между утвердительным предложением именным и утвердительным предложением с глаголом «быть», нужно восстановить полное значение и подлинную функцию этого глагола. С точки зрения индоевропейских языков утвердительное предложение с «быть» не является более ясным или более полным вариантом утвердительного именного предложения, так же как второе не представляет собой недостаточной или ущербной формы первого. Возможен и тот и другой тип, но не для одного и того же выражения. Именное утвердительное предложение, внутренне законченное, ставит высказывание вне какой бы то ни было временной или модальной локализации или субъективной связи с говорящим. Что касается глагольного утвердительного предложения, где *esti (3-е лицо) занимает то же положение, что *esmi (1-е лицо) или *essi (2-е лицо) или любая другая временная форма этого же глагола, то здесь в высказывание вводятся все глагольные характеристики и оно ставится в связь с говорящим.

Эти рассуждения останутся чисто теоретическими, если их не приложить к фактам какого-либо исторически засвидетельствованного языка. И только в том случае, если они дадут точную картину реальных отношений и в то же время помогут их лучше понять, их можно будет считать обоснованными. Для этой необходимой

проверки мы выбрали древнегреческий язык, как из-за многообразия имеющихся памятников, так и потому, что наши выводы можно будет легко проконтролировать.

В греческом языке, как и в индо-иранских языках или в латини, оба эти типа высказывания сосуществовали, и мы принимаем их как сосуществующие и не пытаемся выводить их один из другого, ибо представлять так процесс генетического развития у нас нет никаких оснований. Задача состоит в том, чтобы правильно оценить эти два типа выражения и выяснить, было ли их употребление свободным и немотивированным или же они различались, и если так, то чем именно. Выше мы подчеркивали, что данные два типа высказывания несходны, что они утверждают по-разному. Отвечает ли это различие, выведенное на основе теоретических соображений, тому, как в греческом языке употреблялось именно предложение и предложение с глаголом *ἔστι*? Проверка будет проведена по двум обширным текстам, равно древним и равно своеобразным: один текст — образец высокой поэзии, «Пифийские эпипникии» Пиндара, другой — повествовательная проза, «История» Геродота. На материале этих двух памятников, столь различных по тону, стилю и содержанию, мы попытаемся определить, служит ли именно предложение типичной формой некоторого содержания или же оно является просто окказиональной формой высказывания, которое с таким же успехом могло содержать и эксплицитно выраженный глагол.

Приведем полный список именных предложений, встретившихся нам в «Пифийских эпипникиях» Пиндара:

νασιφορήτοισ δ' ἀνδράσι πρῶτα χάρις... πομπαίων ἐλθεῖν οὔρον «когда люди пускаются в путь, первая милость, которой они жаждают, это попутный ветер» (I, 33);

χάρμα δ' οὐκ ἀλλότριον νικαφορία πατέρος «радость, которую вызывает победа отца, не оставляет безучастным сына» (I, 59);

τό δὲ παθεῖν εἶ πρῶτον ἀέθλων· εἶ δ' ἀκούειν δευτέρα μοῖρα «счастье — вот первое из благ, к которым нужно стремиться, хорошая репутация занимает второе место» (I, 99);

τό πλουτεῖν δὲ σὺν τύχῃ λότμον σοφίας ἀριστον «богатство в соединении со счастьем мудрости — вот лучший жребий для человека» (II, 56);

καλὸς τοι πίθων παρὰ παισίν, αἰεὶ καλὸς «обезьяна кажется прекрасной детям, всегда прекрасной» (II, 71);

ἄλλοτε δ' ἄλλοῖσι πνοαὶ ὑψηλῶν ἀνέμων «ветры, которые дуют на высоте, непрерывно меняются» (III, 104),

μία βοῦς Κρηθεὶ τε μάτηρ καὶ θρασυμήδει Σαλμωνεῖ «одна и та же телка является матерью Кретея и отважного Салмоня» (IV, 142; об этом сообщается как о подлинном факте, чтобы установить связь между потомками двух персонажей);

ῥᾶδιον μὲν γὰρ πάλιν σεῖσαι καὶ ἀφαιυρότεροις «город поколебать легко; наиболее подлые и грубые люди на это способны» (IV, 272);

ὁ πλοῦτος εὐρυθενής, ἔταν τις κτλ., «богатство всемогуще, когда...» (V, 1);

κάλλιστον αἱ μεγαλόπολις Ἀθῆναι προοίμιον... κρηπιδ' αἰοιδᾶν... βαλέσθαι «самая прекрасная прелюдия, могущая стать основой песни,— это великий город Афины» (VII, 1);

κέρδος δὲ φίλτατον, ἐκόντος εἴ τις ἐκ δόμων φέροι «самым лучшим является тот доход, который приносит дом, уступленный вам хозяином» (VIII, 14);

τί δέ τις; τί δ' οὐ τις; σκιαῶς ὄναρ ἄνθρωπος «что есть каждый из нас? что он не есть? человек — это сон тени» (VIII, 95);

ὤκεια δ' ἐπειγομένων ἤδη θεῶν πράξις ὁδοί τε βραχεῖαι «когда богами владеет желание, осуществление желания наступает скоро и пути к этому коротки» (IX, 67);

ἀρεταὶ δ' αἰεὶ μεγάλα πολύμυθοι «великие добродетели — всегда богатая материя» (IX, 76);

κωφὸς ἀνὴρ τις, ὃς Ἐρακλεῖ στόμα μὴ περιβάλλει «нужно было бы быть немым, чтобы не посвящать уста похвалам Гераклу» (IX, 86);

ὁ χάλκεος οὐρανὸς οὐ ποτ' ἀμβρατὸς αὐτῷ «медный свод остается ему недоступным» (X, 27; изречение, не повествование);

τὰ δ' εἰς ἑαυτὸν ἀτέκμαρον προνοῆσαι «того, что произойдет в течение одного года, никакие приметы не могут открыть» (X, 63);

τὸ δὲ νέαις ἀλόχοις ἔχθιστον ἀμπλάκιον «это преступление — самое ужасное для молодых жен» (XI, 26);

τὸ δὲ μέρσιμον οὐ παρφυκτόν «судьба остается неизбежной» (XII, 30).

Уже простое перечисление этих примеров очерчивает границы употребления именного предложения: 1) оно всегда связано с прямой речью; 2) оно всегда выражает утверждения общего характера, представляющие собой сентенции¹². Из этого следует, с другой стороны, что только глагольное предложение (с ἐστί) уместно в повествовании о событии, при описании способа существования или ситуации. Именная фраза имеет целью убедить высказывателем «общей истины»; она предполагает речь в диалог; она сообщает не факт, а некоторое вневременное и постоянное отношение, которое выступает как убедительный аргумент. Если бы потребовались другие доказательства того, что именно такова сфера применения именного предложения, их можно было бы найти в «Трудах и днях» Гесиода, где встречается много примеров, подобных ἔργον δ' οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργίη δὲ τ' ὄνειδος «работа — не позор, безделье — позор» (310); χρήματα δ' οὐχ ἀπραγμά, θεόδοτα πολλὸν ἀμεῖνω «богатство не следует порицать; ниспосланное небом, оно

¹² На тот факт, что именное предложение часто выражает «общие истины», уже обращалось внимание, ср.: A. Meillet, *MSL*, XIV, стр. 16, и Meillet — Vendryes, *Traité de grammaire comparée*, 2-е изд., стр. 595, § 871. Этому эмпирическому наблюдению мы попытаемся дать обоснование, исходя из самой структуры высказывания.

гораздо предпочтительнее» (320); *πῆμα κακὸς γείτων* «плохой сосед — существо несчастье» (346) и т. п. Все произведение представляет собой поучение от лица автора, длинный перечень советов и предостережений, и в него вкраплены выраженные именными предложениями вечные истины, которые автор стремится внушить. Но именное предложение никогда не употребляется при описании факта в его конкретности.

Посмотрим теперь, как используются именны предложения в прозаическом повествовательном тексте и какова их доля в нем. Геродот рассказывает о событиях, описывает страны и обычаи. И у него преобладают именно предложения с *ἐστί*, которые объективно повествуют о реальных ситуациях, например *τὸ δὲ Πανιώνιον ἐστὶ τῆς Μυκάλης χάρος ἱερός· ἡ δὲ Μυκάλη ἐστὶ τῆς ἡλείρου ἄκρη* «Панионион (есть) священное место в Микале, Микале же (есть) выступающая часть суши» (I, 148). Подобные предложения встречаются у историка на каждом шагу именно потому, что он историк; словарь Пауэлла (Powell) регистрирует 507 примеров *ἐστί* в этой функции. А что же мы обнаруживаем в отношении именных предложений? Прочитав значительную часть текста (но не весь), мы встретили около десяти случаев, которые *все* фигурируют в цитируемой речи и все выражают «общие истины»: *οὕτω δὲ καὶ ἀνθρώπου κατάστασις* «таково также положение человека» (II, 173); *ἄξιός μὲν Αἰγυπτίων οὗτος γὰρ ὁ θεός* «он достоин египтян, этот бог!» (III, 29); *ἀγαθὸν τοι πρόνοον εἶναι, σοφὸν δὲ ἡ προμηθεῖα* «полезно думать о будущем, предусмотрительность — это мудрость» (III, 36); *φιλοτιμίη κτῆμα σκαιόν... τυραννὶς χρῆμα σφαλερόν* «самолюбие — глупость, ... тирания — вещь ненадежная» (III, 52); *δηλοῖ καὶ οὗτος ὡς ἡ μοναρχίη κράτιστον* «он сам показывает, что монархия — самое лучшее» (III, 82); *ἔνθα γάρ σοφίης δεῖ, βίης ἔργον οὐδὲν* «там, где нужна ловкость, насилие ничего не дает» (III, 127); *ἴση γὰρ ἡ χάρις...* «прелесть (этого маленького дара) равна (прелести большого)» (III, 140); *ἔλβιος οὗτος ἀνὴρ ὅς...* «блажен человек, который...» (V, 92; пророчество в стихах); *αὐτόματον γάρ οὐδὲν* «потому что ничто не происходит из себя самого» (VII, 9γ). Редкость таких предложений и их стереотипный характер иллюстрируют различие между дидактической поэзией и повествовательной прозой; именное предложение появляется только там, где вклинивается прямая речь, а также в высказываниях типа «изречений» («proverbial»). Но когда историк хочет сказать, что «Крит — это остров», он не напишет *ἡ Κρήτη νῆσος; уместно только *ἡ Κρήτη νῆσός ἐστι*.

На основе этих наблюдений, охватывающих тексты различного жанра, можно правильнее оценить особенности гомеровских текстов, в которых именны предложения и предложения с *ἐστί* встречаются в примерно равной пропорции. Такое сосуществование было бы необъяснимым, если бы оно не было связано с только что указанными различиями. И действительно, принимая во внимание неоднородный характер произведения и требования метрики, мы

видим, что распределение именных предложений и предложений глагольных подчиняется у Гомера названным основаниям. Исчерпывающей проверки, даже для какой-либо одной части текста, мы здесь производить не можем. Этот вопрос стоило бы рассмотреть в целом для всей эпопеи. Здесь же достаточно будет подтвердить различие обоих типов предложений на нескольких примерах.

Нетрудно убедиться, что именное предложение появляется у Гомера только в речах персонажей, но не в частях повествовательных или описательных, и что оно выражает утверждение непреходящих истин, а не частных ситуаций. Тип его таков: οὐκ ἀγαθὸν πολυκορανή «нехорошо (нехорошее дело) власть над многими» или же Ζεὺς δ' ἀρετὴν ἀνδρεσσιν ὀφέλλει τε μινύθει τε | ἄλλως κεν ἐθέλησιν ὁ γὰρ κάρτιστος ἅπαντων «Зевс доблесть смертным и увеличивает и уменьшает, | как соизволит: *ведь он сильнейший из всех* (Г, 242)*; ἀργαλέος γὰρ Ὀλύμπιος ἀντιφέρεσθαι «трудно противиться Олимпийцу (Зевсу)» (А, 589). Не обращалось внимания на то, что именное предложение у Гомера часто появляется в *причинной* связи с контекстом, что подчеркивается частицей γάρ. Сформулированные подобным образом высказывания по самой сути своего всевременного содержания способны служить для рекомендации, для обоснования, для убеждения. В этом причина столь частого появления маленьких предложений-формул: ὥς γὰρ ἄμεινον «что и лучше» — το γὰρ ἄμεινον «оно и лучше» — ἔπερ σέο πολλὸν ἀμείνων «который тебя много храбрее» (Π, 114); ἀλλὰ πίθεσθε καὶ ὑμεῖς, ἐπεὶ πείθεσθαι ἄμεινον (А, 274) — ὁ γὰρ αὐτὲ βίη οὐ πατρὸς ἄμεινων (А, 404) — φιλοφροσύνη γὰρ ἄμεινων (I, 256) и т. д., или κρείσσων γὰρ βασιλεὺς (А, 80) — ληιστοὶ γὰρ βόες... κτητοὶ τρίποδες, ἀνδρὸς δὲ ψυχῆ... οὗτε ληιστὴ κτλ. (I, 406) — στρεπτοὶ δὲ τε καὶ θεοὶ αὐτοὶ (I, 497) — ἢ δ' Ἄτη σθενάρη τε καὶ ἀτίλος (I, 505) — οἴλω πάντες ὄμῃοι ἄνδρες ἐν πολέμῳ (Z, 270). Этим объясняется также, почему в греческом языке столько оборотов типа χρῆ «нужно, следует» или оборотов с прилагательными среднего рода δῆλον «ясно», χαλεπὸν «трудно», θαυμαστόν «удивительно», которые закрепились как именные утвердительные предложения вневременного и абсолютного характера. Напротив, предложения с ἐστὶ указывают на *актуальные, протекающие* ситуации: ἤλειλησα μῦθον, ὃ δὴ τετελεσμένος ἐστὶ «он произнес угрозу, и угроза свершилась» (А, 388); εἰ δ' οὕτω τοῦτ' ἐστίν... «если это на деле так» (А, 564); ἀλλ' ὃ γε φέρτερός ἐστιν, ἐπεὶ πλεόνεσσιν ἀνάσσει «но сильнейший здесь он, ибо повелевает бóльшим количеством людей» (тот факт, что он повелевает бóльшим количеством людей, свидетельствует, что он

* В соответствии с филологической традицией здесь прописные греческие буквы обозначают песни «Илиады», строчные — песни «Одиссеи» (в порядке греческого алфавита). Напр., Г — 20-я песнь «Илиады», υ — 20-я песнь «Одиссеи». Ввиду легкости установления соответствий с русскими изданиями поэм здесь мы ограничиваемся переводом одного-двух примеров из каждой группы.— *Прим. ред.*

действительно стоит выше) (А, 281); ἀφρήτωρ, ἀθέμιτος, ἀνέστις ἐστὶ ἐκεῖνος ἴσς... «тот безродный, вне закона, скиталец бездомный, кто...» (описывает реальное положение того, кто...) (I, 63); ὁ δ' ἀγῆνωρ ἐστὶ καὶ ἄλλως «он горд и без этого» (I, 699).

То же различие наблюдается и в выражении принадлежности. Именное предложение выражает принадлежность как постоянную и абсолютную: ἴση μοῖρα μένοντι, καὶ εἰ μάλα τις πολεμίῳ, ἐν δὲ ἰῆ τιμῇ ἤμην κακῶς ἡδὲ καὶ ἐσθλῶς «равная мера (у вас) и стойкому и плохо держащемуся в бою, в одинаковой чести и трус, и храбрый» (I, 318); οὐ γὰρ ἐμοὶ ψυχῆς ἀντάξιον (I, 401); οὐ γὰρ πῶ τοι μοῖρα θανέειν (II, 52); σοὶ τὸ γέρας πολὺ μείζων (А, 167, атрибуция правая и постоянная). Глагольное же предложение указывает на реальное обладание: τῶν δ' ἄλλων ἃ μοι ἐστὶ «из других (трофеев), что мне принадлежат» (А, 300); ἔστι δέ μοι μάλα πολλὰ (I, 364); οὐδ' εἰ μοι δοίη ὅσα τέ οἱ νῦν ἔστι «даже если бы он мне отдал все, чем он владеет сейчас» (I, 380); μήτηρ δέ μοι ἐστ' Ἀφροδίτη «мать мне Афродита» (I, 209) и т. д.

Всестороннее изучение именного предложения у Гомера, которое мы считаем необходимым, несомненно, уточнило бы эти различия, позволило бы выделить формулы, варианты, подражания. Принцип же деления остался бы тем же.

Этот принцип с несомненностью вытекает из рассмотренных текстов. Именное предложение и предложение с ἐστὶ утверждают по-разному и принадлежат двум разновидностям речи. Первое — речи в собственном смысле, второе — повествованию. Одно утверждает нечто абсолютное; второе описывает ситуацию. Обе эти черты взаимосвязаны и обе зависят от того, что функцию утверждения в высказывании выполняет либо именная, либо глагольная форма. Структурная связь этих условий выступает здесь полностью. Будучи способным утверждать абсолютные истины, именное предложение выступает как аргумент, доказательство, рекомендация. Его вводят в речь, чтобы воздействовать и убеждать, а не сообщать о факте. Это истина, изреченная как таковая, вне связи с временем, лицом и обстоятельствами. Вот почему именное предложение так хорошо подходит для таких высказываний (которыми оно, впрочем, обычно и ограничивается), как изречения или поговорки, хотя раньше его использование отличалось большей гибкостью.

В других древних индоевропейских языках условия были аналогичны; ср. лат. *triste lupus stabulis* «печальное дело — волк овчарням»; *varium et mutabile semper femina* «изменчива и непостоянна всегда женщина» и т. п. Различие двух типов предложения в санскрите можно было бы проиллюстрировать, сопоставив *tvāṃ vācuṃaḥ* «ты — Варуна», где устанавливается полная равнозначность между Агни, к которому обращаются, и Варуной, с которым его отождествляют, и формулу *tat tvam asi* «hoc tu es, вот что ты есть», которая указывает человеку его действительное состояние.

В ведийском языке именное предложение является в основном выражением вневременного *определения*. Если же в древнеиранском языке именное предложение очень широко представлено в Гатах (Gāthās), где, по существу, нет ни одного примера предложения с *asti*, то это объясняется особым характером данного текста: это лапидарный катехизис, набор утверждений истины и бескомпромиссных определений, властное напоминание о ниспосланных в благодати принципах. В эллических и повествовательных отрывках Яшт (Yašt), напротив, глагольное предложение с *asti* полностью восстанавливается в своих правах.

Описание именного предложения в индоевропейских языках должно быть, таким образом, совершенно перестроено в намеченных здесь рамках¹³. Нам пришлось опустить многие детали, чтобы подчеркнуть своеобразие природы и роли именного предложения, потому что изучение этого синтаксического явления, как и любого языкового факта, должно начинаться с определения его *отличительных свойств*. До тех пор пока этот тип высказывания рассматривался как глагольное предложение с отсутствующим глаголом, выявить его специфическую природу было невозможно. Именное предложение следует сопоставить и противопоставить высказыванию глагольному, и тогда мы видим, что это две различные формы высказывания. Как только в именное предложение вводят глагольную форму, оно утрачивает свою подлинную сущность, которая как раз и заключается в том, что между языковым рядом (высказыванием) и действительностью предполагается отношение *неварируемости*. Именное предложение способно определять «вечную истину» именно потому, что в нем отсутствует какая

¹³ Читатель, который сравнит высказанные нами замечания с важной работой Л. Ельмслева «Le verbe et la phrase nominale», опубликованной в «Mélanges J. Marouzeau», Paris, 1948, стр. 253—281, заметит некоторые точки соприкосновения и одновременно серьезные расхождения, которые следует хотя бы кратко указать. Мы оба согласны, что термин «именное предложение» нужно использовать в строгом смысле. Кроме того, окончательная формулировка Ельмслева — «пропозициональная связка есть глагол» (цит. соч., стр. 281) — почти не отличается от одного из двух свойств, которыми мы определили глагол; наконец, обоим нам в равной степени представляется необходимой функция утверждения. Но уязвимым моментом в изложении Л. Ельмслева нам кажется коммутация, с помощью которой он выделяет в содержании *optiā graeclaga ga* «все прекрасное редко» три имплицитных элемента: несовершенный вид, настоящее время и изъявительное наклонение. «Доказательством, — говорит он, — служит тот факт, что, если бы мы захотели заменить несовершенный вид другим видом, настоящее время — другим временем, а изъявительное наклонение — другим наклонением, выражение сразу же по необходимости изменилось бы» (цит. соч., стр. 259). А это как раз такая операция, которую запрещает самый смысл именного предложения. Л. Ельмслев утверждает, что между именным предложением *optiā graeclaga ga* и предложением глагольным *optiā graeclaga sunt ga* «все прекрасное (есть) редко» существует лишь различие в эмпазе или подчеркнутости (стр. 265). Мы же, напротив, старались показать, что это два типа предложения с разными функциями. Следовательно, коммутация одного типа в другой невозможна и неправомочно усматривать имплицитное выражение времени, наклонения и вида в именном высказывании, которое по своей сущности является вневременным, немодальным, вневидовым.

бы то ни было глагольная форма, конкретизирующая выражение; и в этом отношении глагол *éotí* «есть» столь же конкретен, как и *eí mí* «есмы», *ṭv* «был» или *éotai* «будет». Когда мы наконец высвобождаемся от неосознанной тирании категорий наших современных языков и от соблазна проецировать их на языки, которые этих категорий не знают, мы сразу же обнаруживаем в древних индоевропейских языках различие, которое в других языках опознается без всякого труда.

Независимое подтверждение этому дано, для ирландского языка, Л. Шёстедтом в превосходном описании говора Керри. Мы находим у него в высшей степени справедливую оценку своеобразной роли именного предложения: «Значимость именного предложения выступает, когда мы противопоставляем его предложению с глаголом бытия. Именное предложение — это качественное приравнивание, устанавливающее равнозначность (полную или частичную в зависимости от соотношения объемов субъекта и предиката) между двумя именными элементами. Предложение с *táim* выражает состояние и его разновидности. Таким образом, предикат именного предложения, даже если это прилагательное, имеет значение сущности и указывает на нечто неотъемлемое от субъекта, в то время как дополнение глагола бытия имеет лишь обстоятельственное значение и указывает на частное проявление (пусть даже постоянное) способа бытия субъекта»¹⁴.

Из того факта, что данное различие в большинстве случаев стерлось, неверно было бы заключить, что оно больше никогда не появится вновь. Даже в современных языках, где именное предложение устранено в пользу предложения глагольного, в самой глубине глагола «быть» иногда возникает дифференциация. Так обстоит дело в испанском языке с его классическим различием *ser* и *estar*. Вне всякого сомнения, не случайно, что различие между *ser* «быть, иметь природу» и *estar* «быть, находиться» в значительной степени совпадает с различием, которое мы находим между предложением именным и предложением глагольным для гораздо более древнего языкового состояния. Даже если между двумя выражениями и нет исторической преемственности, в указанном явлении испанского языка можно видеть новое проявление той черты, которая так ярко характеризовала синтаксис древних индоевропейских языков. Одновременное использование двух конкурирующих типов утверждения представляет собой одно из наиболее поучительных решений проблемы, которая возникала во многих языках, а иногда и не один раз, в ходе их развития.

¹⁴ L. Sjoestedt, *Description d'un parler irlandais du Kerry*, P., 1938, стр. 116, § 154.